

УДК 94(47).04
DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.01

Б. Н. Флоря

Лебединские черкасы на Слобожанщине и характер их отношений с соседями и властью

Флоря Борис Николаевич
Доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, зав. отделом
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: sredveka_inslav@land.ru
ORCID: 0000-0003-0779-2488

Цитирование

Флоря Б. Н. Лебединские черкасы на Слобожанщине и характер их отношений с соседями и властью // Славянский альманах. 2026. № 1–2. С. 12–48. DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.01

Статья поступила в редакцию 17.03.2025.

Рецензирование завершено 19.06.2025.

Статья принята к публикации 17.03.2025.

Аннотация

В 1660-е гг. на южном пограничье русского государства возникла колония украинских переселенцев – черкас с центром в г. Лебедин. Она стала одним из многих поселений так называемой Слобожанщины – земель на юге России, заселявшихся выходцами с украинских земель, которые образовывали свою автономную административную организацию с делением на полки и сотни. Сохранившиеся архивные документы, ранее не вводившиеся в научный оборот, позволяют детально рассмотреть взаимоотношения сообщества лебединских черкас с местными и центральными властями, а также с соседями-землевладельцами в 1670-е – начале 1680-х гг. При этом в последнем случае ими выступали как русские помещики Путивльского уезда (г. Каменный), так и представитель казацкой старшины Левобережного гетманства – гадячский полковник Михаил Васильев, получивший на Слобожанщине земли по ходатайству дяди – гетмана Ивана Самойловича. Развивая свое хозяйство на Слобожанщине, полковник не искал опоры у местных черкас и не считался с их интересами. Указанные взаимоотношения развивались в первую очередь в рамках конфликта из-за земельных угодий, на которые претендовала

каждая из сторон. Сообщество лебединских черкас занимало в этом конфликте активную позицию, выступая как полноправная часть общества и получая поддержку властей Белгородского разряда в лице князя Г. Г. Ромодановского. Поиск компромисса с учетом интересов всех сторон требовал от центральных властей в Москве значительных усилий и продлился не один год.

Ключевые слова

Гетман Иван Самойлович, русско-украинские отношения, Левобережное гетманство, Слобожанщина, земельная колонизация, лебединские черкасы, гадяцкий полковник Михаил Васильев.

Уже в конце XVI в. на территории России появились поселения «черкас», сохранивших под русской властью свою особую организацию и порядки. Количество таких переселенцев заметно возросло после казачьих восстаний 30-х гг. XVII в., но наиболее массовым было переселение 1650–1660-х гг., когда на Слобожанщине такие переселенцы составляли большинство населения¹.

В результате происшедших перемен на территории Слобожанщины образовался целый ряд казачьих «полков», представлявших собой особые военно-административные округа, где главная власть принадлежала казачьим полковникам. Округа состояли из отдельных поселений-городов, в которых размещались казачьи «сотни» и мещане, имевшие свои особые организации².

Заинтересованное в притоке переселенцев правительство предоставляло им различные привилегии. Главной обязанностью переселенцев была сторожевая и станичная служба, а главной привилегией – право свободного винокурения: как отмечалось в современных текстах, черкасы «податей и никаких доходов не платят и торгуют вином безоброчно»³.

1 О соотношении русского и украинского населения см.: *Звездин З. К.* К вопросу о социальных отношениях на Слободской Украине в конце XVII – начале XVIII в. // Исторические записки. № 39. М., 1952. С. 182–183. Автор пишет о 10 тыс. русских и 100 тыс. украинцев.

2 *Багалея Д. И.* Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887. С. 391 и сл., 421 и сл.; *Слюсарский А. Г.* Социально-экономическое развитие Слобожанщины XVII–XVIII вв. Харьков, 1964. С. 113–114.

3 *Багалея Д. И.* Очерки... С. 449, 450, 456, 491; *Слюсарский А. Г.* Социально-экономическое развитие... С. 118.

Как отмечают исследователи, русские служилые люди таких прав не имели⁴.

Территория, расположенная на границах между Россией и Левобережным гетманством, имела свои особенности. На ней еще до прихода переселенцев отводили земли русским помещикам, и земли казацких «заимок» на переданной им территории соприкасались с русскими поместьями. С другой стороны, на этих землях стали появляться владения левобережных старшин, получивших их от русских властей. Так, гадяцкий полковник Михаил Васильев устроил здесь на полученной им территории слободы⁵.

Д. И. Багалея, а затем А. Г. Слюсарский отметили возникновение ряда конфликтов между черкасами и такими их соседями, но ограничились констатацией фактов⁶. Между тем рассмотрение материалов о таких конфликтах, улаживанием которых занимались органы власти, как местные, так и центральные, позволило бы сделать важные наблюдения не только для понимания отношений между разными социальными общностями на Слобожанщине, но и касательно политики органов власти разных уровней по отношению к территориям с разным составом населения и разной социальной организацией конфликтующих общностей.

С этой точки зрения большой интерес представляет комплекс материалов о конфликтах поселения черкас в Лебедине, городе на территории Сумского полка, с такими его соседями, как русские помещики и видный представитель старшины Левобережного гетманства – гадяцкий полковник Михаил Васильев.

Центром этого поселения был Лебедин, расположенный на территории современной Сумской области Украины, к югу от Сум недалеко от реки Псел, притока Днестра. Недалеко от другой стороны реки проходила граница Левобережного гетманства. Эта колония черкас образовалась в 1658 г., когда был основан г. Лебедин у границы с гетманством. Черкасы ушли на русские земли, не желая подчиняться порвавшему с Россией гетману И. Выговскому, и в дальнейшем образовали часть Сумского полка⁷. О составе общности

4 Багалея Д. И. Очерки... С. 445–447; Звездин З. К. К вопросу... С. 194.

5 Багалея Д. И. Очерки... С. 502.

6 Багалея Д. И. Очерки... С. 422, 459, 502; Слюсарский А. Г. Социально-экономическое развитие... С. 116–118.

7 См. об этом в челобитье лебединских черкас: Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 229. Малороссийский приказ. Оп. 1. Д. 161. Л. 11.

лебединских черкас и ее верхушке позволяют судить списки жителей Лебедина, которые хотели бы получить царское «жалованье», и таких, кто были убиты или попали в плен. Такие списки поступили в Москву 1 апреля 1669 г.⁸

В составе этой общности как верхний слой выделяются «рядовые казаки» («черкасы служилые»), делившиеся на отдельные военные отряды во главе с сотниками, что указывает на существование у них особой военной организации, характерной для казачества. Наряду с сотниками, стоявшими во главе отдельных отрядов, в списках фигурируют сотники Лаврентий Савченко и Семен Шарбко, у которых нет сотен, и атаман Павел Яковлев⁹. Эти люди, очевидно, стояли во главе всей общности лебединских черкас¹⁰.

Наряду со списком «рядовых казаков» были поданы списки мещан, «которые служат в городе»¹¹. В этих списках неоднократно указываются ремесленные специальности включенных в них людей (особенно много было «швцов»). Наряду с такими людьми в списках убитых и пленных фигурируют «подсосудники» – наемные работники в хозяйствах более зажиточных казаков и мещан¹². Во главе отдельных собраний мещан также стояли сотники, очевидно, и у них имелись какие-то формы военной организации. Мещане составляли основную массу населения Лебедина. Их было гораздо больше, чем «рядовых казаков». Но казацких сотников было 4, а у мещан – только 3¹³. Вместе эти группы людей были «всем городом»¹⁴.

Эти списки можно сопоставить с данными справки о «разборе», проведенном в Лебедине сумским полковником Герасимом Кондратьевым в 1680 г.¹⁵, когда установилось, кто из жителей Лебедина будет исполнять какие обязанности. Жителей насчитывалось чуть более 2 тыс. чел. Их верхний слой делился на казаков «полковые службы»

8 Там же. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. Д. 1204. Л. 1–34.

9 Там же. Л. 2, 34.

10 Л. Савченко и П. Яковлев выступают в этой роли в начале челобитной, поданной царю «всем городом». См.: Там же. Л. 1. В другой челобитной в преамбуле с атаманом фигурируют вместе два сотника (Там же. Л. 34).

11 Там же. Л. 13 и след.

12 Там же. Л. 22–23.

13 Там же. Л. 34, 36, 37, 39, 41, 46, 53.

14 См. преамбулу к челобитной (Там же. Л. 1), где говорится, что ее подают «черкасы служилые», мещане и «все рядовые черкасы всем городом».

15 Там же. Ф. 229. Оп. 1. Д. 161. Л. 6 и сл.

(403 чел.) и казаков «городовые службы» (553 чел.). Большую часть жителей составляли мещане (1089 чел.). О положении верхнего слоя населения Лебедина говорит справка о предоставленных этим людям земельных наделах. Атаманам и сотникам выделялось 12 четвертей «в поле, а в дву потому ж», есаулам и знаменщикам по 11 четвертей, всем «рядовым черкасам» по 10 четвертей¹⁶. Этими землями следовало владеть «всем вопче». Таким образом, социальные различия в этой общности были достаточно слабо выражены.

Такие особенности организации украинских поселенцев в Лебедине не представляли чего-либо специфического, и в этом отношении колония лебединских черкас, как представляется, ничем особенным среди других подобных слободских поселений не выделялась. Другие «города» также делились на казаков «полковой» и «городовой» службы и мещан. Особенностью существования этого поселения стал длительный конфликт лебединских черкас с их соседями – русскими помещиками. Связанная с этим конфликтом переписка позволяет судить о положении черкас в смешанном обществе Слобожанщины, об отношении к просьбам и действиям лебединцев местных и центральных органов власти.

После основания Лебедина в 1659 г. А. Иевлев произвел описание территории, переданной для использования черкасам – жителям Лебедина. Он составил описание выделенных им земель и провел ее отмежевание от соседних Сумского, Алешенского и Каменовского уездов.

Принятые при этом решения стали в дальнейшем источником длительного и ожесточенного конфликта между лебединскими черкасами и их соседями – русскими детьми боярскими из Каменного. Указанный конфликт стал предметом забот и местных органов власти Белгородского разряда, и центральных правительственных учреждений в Москве.

Среди переданных черкасам земель были земли «по той стороне реки Псла против Лебединской земли на две версты»¹⁷. Отмечалось, что черкасы будут «владеть тою землею и санными покосы и лесом хоронным и дровяным, и рыбными, и звериными ловлями, и всякими угоды во всем вопче»¹⁸. Это делало общность черкас единой в отстаивании прав на переданную ей территорию. Как позднее сообщали

16 Там же. Л. 8.

17 См. такое определение объекта спора в челобитье черкас (Там же. Д. 156. Л. 70).

18 Там же. Д. 163. Л. 8–9.

лебединцы, установления границ за Пслom при этом не проводилось, так как там «неприятельские люди были»¹⁹ – войска Выговского и татары. Так все земли за Пслom по «скасам лебединских знатных людей» были переданы черкасам без описания, поскольку там «дикое поле, деревень и селищ нет никаких и земли пахотные нет»²⁰. Это решение и стало затем источником конфликтов. Дело в том, что на соседней территории с центром в г. Каменном воевода Ф. Арсеньев в 1651 г. отвел русским помещикам – переселенцам из «розных городов» земли за р. Псел. В частности, в с. Присталове 23 чел. получили по 20 четвертей в поле, 10 чел. – по 10 четвертей, в Черленой Поляне – 32 чел. по 20 четвертей²¹. С приходом «неприятеля» эти поселения были, судя по всему, заброшены, и опустевшую землю получили черкасы.

По-видимому, в условиях войны с И. Выговским А. Иевлеву удалось избежать сопротивления при составлении его книг, но уже в 1660-е гг. начались споры о границах. Важный материал на эту тему содержит челобитье, которое подали лебединцы «всем городом» во главе с сотником Г. Волошенином и атаманом П. Коваленко²². В 1666 г. они просили о межевании «от Каменова». Для межевания были присланы дворяне из Белгорода и Путивля, Василий Гринев и Кузьма Литвинов. В. Гринев и сумской полковник Герасим Кондратьев «межи и границы чинили» по книге А. Иевлева. Когда состоялась их встреча с детьми боярскими из Каменного у р. Боровенки, то каменовцы «тое между оспорили», ссылаясь на книги, составленные «до строенья... города Лебедина». Подлинность этих книг лебединцы не отвергали, но они подчеркивали, что переданное каменовцам «дикое поле» лежало «в пуге и лишь когда эта земля была к Лебедину отведена», то его жители «тое землю распахали и сенные покосы расчистили»²³. В итоге «по той де меже каменовские старожилцы не поехали и граней не положили»²⁴. Но дело не ограничивалось спорами перед посланцами. В челобитной подчеркивалось, что к лебединцам от каменцев исходят «налоги и обыды, и грабеж, и убийственное дело», они лебединцев «бьют и грабят, кони и волы, и коровы, и всякую животину и маетность, зипуны и шубы, и шапки снимают,

19 Там же. Д. 161. Л. 7.

20 Там же. Л. 181–182.

21 См. выписи из книг Ф. Арсеньева (Там же. Л. 142–146).

22 См. преамбулу челобитной: Там же. Ф. 210. Оп. 12. Д. 595. Л. 108.

23 Там же. Л. 108–109.

24 Там же. Д. 611. Л. 135.

и нагих пушают»²⁵. Вряд ли можно сомневаться, что и лебединцы отвечали подобными же действиями. Таким образом, уже в середине 1660-х гг. дело дошло до своего рода «малой войны» между лебединскими черкасами и каменовскими помещиками на Слобожанщине у границы с Левобережным гетманством. Лебединцы просили прислать для установления границ «дворянина» из Москвы. Они прислали в Москву «выпись» из книг А. Иевлева (описание спорной земли), скрепленную его подписью и печатью²⁶.

Какую же позицию заняла по отношению к сложившейся ситуации центральная власть? Об этом дает представление текст грамоты, отправленной в Белгород князю Ю. Н. Бярятинскому 30 апреля 1667 г.²⁷ Предлагалось выслать для проведения межеванья дворян из Белгорода и Путивля. К воеводе был отправлен список «выписи», привезенной лебединцами «для отводу и межеванья». Очевидно, этим документом следовало руководствоваться. Предписывалось, чтобы соответствующие земли «отмежевали нынешние весны вскоре, не испустя пашенные поры... и не описываясь к нам». Принимались во внимание интересы лебединцев, распахавших эти земли. Очевидна готовность центральной власти пойти навстречу пожеланиям черкас. Об этом имеются и другие свидетельства. В грамоте воеводы М. Волынского из Путивля содержится пересказ царской грамоты, пришедшей в Путивль 17 июня 1667 г., с предложением выслать двух дворян вместе с дворянами из Белгорода и с представителями Каменного, Лебедина и Сум «меж городами Каменова и Лебедина земель досмотрить». Ему был также послан список с «выписи» с указанием «велети по той выписи между положить от Каменова к Лебедину»²⁸. Как сообщал М. Волынский, 19 июня он отправил в Каменное своих дворян, которые находились там до конца июля, но съезд так и не собрался, а тем временем лебединцы «на тех на спорных землях хлеб пожали и сена покосили»²⁹. Таким образом, лебединцы удержали спорные земли. Силы сторон были не равны. По справке 1666 г. в Каменном было дворян и детей боярских «конных с ружьем» 164 чел., «пеших» – 84 чел.³⁰

Положение на территориях, граничивших с Левобережьем, осложнилось с выступлением левобережного гетмана И. Брюховецкого

25 Там же. Д. 595. Л. 109.

26 Там же. Л. 110–115.

27 Там же. Л. 116–122.

28 Там же. Л. 156–157.

29 Там же. Л. 157–158.

30 Там же. Д. 611. Л. 15.

и казацкой старшины против русской власти. Конец 60-х гг. XVII в. был для колонии черкас в Лебедине трудным временем. О тяжелом положении, в котором оказались черкасы Лебедина, «до конца разоренные», говорилось в упомянутой выше челобитной, поданной на имя Алексея Михайловича 1 апреля 1669 г. В предшествующем году «с первой недели Великого поста» жители Лебедина сидели в осаде «от... государевых изменников черкас и от крымских татар». Город отстояли, но «животинные и конские стада отогнали», поэтому жители «весною... хлеба ярового не сеяли», а в октябре противники «забрали последнюю животину и лошади, разорили без остатку». Лебединцы просили о срочной выдаче царского «жалованья»³¹.

Есть основания полагать, что в тяжелом положении в этой ситуации оказались и обитатели Каменного. В этих условиях пограничные споры не могли выйти на первый план. Когда положение стабилизировалось, споры возобновились. Границы были проведены, но дети боярские из Каменного их не признавали. В 70-е гг. XVII в. по приказам командующего Белгородским разрядом Г. Г. Ромодановского посылались вслед за В. Гриневым целый ряд дворян (И. Сомов, М. Золотарев, П. Каменев, Я. Шишков) для «досмотру и розъезду»³². В условиях, когда власти и «разряда», и Москвы считали авторитетными книги А. Иевлева, дети боярские из Каменного ничего не могли добиться. Этим объясняется то, что Я. Шишкову представители помещиков Каменного подали «скаска... что им с лебединцами впредь по Обакумову отводу Иевлева в земле не спорить»³³.

Открытого спора, возможно, и не было, но практика каменовцев, как увидим далее, этим заявлениям не соответствовала. Возможно, сильно пострадавшие в конце 1660-х гг. лебединцы не сразу собрались дать отпор противникам. Г. Г. Ромодановскому, главе Белгородского разряда, 8 ноября 1677 г. в Курске в разрядной избе подали челобитную из Лебедина сотник Софрон Васильев, атаман, войт «и казаки, и пушкари, и мещане всем городом» с просьбой о подтверждении их прав на территорию, переданную им по книгам А. Иевлева, так как каменовские жители «владеют насильством в лебединских дачех»³⁴. Тогда на спорные земли в начале 1678 г. был отправлен из Курска майор Дмитрий Мокналов. Он «каменовцам, которые поселились за межою

31 Там же. Д. 1204. Л. 1.

32 Там же. Ф. 229. Оп. 1. Д. 161. Л. 177.

33 Там же.

34 Там же. Л. 273–274.

в Лебединском уезде, тою землею... владети не велел». Сохранившаяся выпись из книг Д. Моконалова позволяет судить о некоторых существенных особенностях того, как происходило установление границ³⁵. О расположении границ глава лебединцев, сотник Софрон Васильев, «со всем городом» подали Д. Моконалову «скаску» «на меже». Одновременно «каменовские... старожильцы... на межу в то время не выезжали». Это обосновывалось обязательством каменовцев, данным Я. Шишкову, отказаться от спору «против... розъезду» А. Иевлева. После установления границ Д. Моконалов передал спорную землю сотнику Софрону, атаману Ефиму Григорьеву, войту Федору «и казакам всему городу». Майор, очевидно, следовал указаниям главы Белгородского разряда Г. Г. Ромодановского. 21 февраля он передал результаты своей работы командующему³⁶. Однако в феврале последовали новые челобитья лебединцев о том, что каменовцы «учинились непослушны на той их черкасской даче и ныне живут... владеют насильством»³⁷. В одной из челобитных указывалось, что помещики из Каменного их «изгоняют и бьют... грабят и мельницу раскопали». На занятой земле помещики селят «братью черкас за себя в работу»³⁸. Эти утверждения составителей челобитной можно подкрепить записанными позднее признаниями таких черкас-пришельцев, что каменовцы «призвали» их «себе во крестьянство»³⁹, и они обязывались «пашню пахать и сена косить, и оброк давать»⁴⁰. По-видимому, соседство с казацкой колонией в Лебедине привело к тому, что отношения помещиков и крестьян осложнились. Как указывалось в челобитной лебединцев, если кто-то хочет «пойти в Лебедин на житье», то «у них волы и коровы, и всякую животину грабят»⁴¹.

Получив такие челобитные, Г. Г. Ромодановский 27 февраля 1678 г. отправил на спорные земли стрелецкого голову Карпа Мезенцева. В грамоте Г. Г. Ромодановского царю четко были очерчены возложенные на стрелецкого голову задачи. Он должен был «детям боярским из Каменново от их Лебединской земли и от всяких угодий отказать» и их «сослать в Каменской уезд»⁴². Таким образом, в земельном споре помещиков

35 Там же. Л. 69–75.

36 Там же. Л. 267, 274.

37 Там же. Л. 267.

38 Там же. Л. 148.

39 Там же. Л. 45, 120, 158.

40 Там же. Л. 148.

41 Там же.

42 Там же. Л. 268.

и черкас Ромодановский решительно встал на сторону последних. 25 марта К. Мезенцев сообщил главе Белгородского разряда, что поставленные задачи выполнены, и подал составленные им книги⁴³.

Отписки каменовского головы Василия Люшина и челобитья каменовских детей боярских показывают, как указания Г. Г. Ромодановского исполнялись на практике. Помимо отряда стрельцов, К. Мезенцев опирался на поддержку пришедших вместе с ним на спорные земли лебединских черкас во главе с сотником Софроном Васильевым. Детей боярских «всех до одного... з дворов выгнали и в избах двери выломали... и животы и статки у них пограбили». Дети боярские «ныне стоят в поле», а когда пытаются вернуть имущество, «их бьют и куют, и в Лебедин отсылают». В. Люшин предлагал Ромодановскому «против челобитья каменовских жителей» «распросить» Карпа Мезенцева «про грабеж лебединских черкас и сыскать»⁴⁴.

Имеющиеся свидетельства раскрывают еще один важный аспект происходивших событий. На сторону лебединских черкас перешли черкасы – крестьяне помещиков. Проведенное позднее следствие зафиксировало признания крестьян, что они «слушали во всем» сотника Софона, а «помещиков своих не слушали, их ис того поместья изгоняли и розоряли»⁴⁵. Между этими двумя сторонами наступил полный разрыв отношений. Как жаловались дети боярские, эти черкасы не отдают им из их дворов «хлеба и всякой рухляди», а позднее и «сеяного хлеба те черкасы жать не дали»⁴⁶. Как сообщал Г. Г. Ромодановский в Москву, в описанных К. Мезенцевым селах «живут черкасы многие люди, человек с триста и болши», и в отличие от детей боярских К. Мезенцев разрешил им остаться на месте. Более того, в их положении произошли изменения. Как сообщал Ромодановский в Москву, по его указаниям голова из Лебедина Гаврила Малышев и сумской полковник Герасим Кондратьев из этих черкас – крестьян каменовских помещиков «написали в казаки» 83 чел., «в мещане» – 224 чел⁴⁷. Таким образом, по инициативе главы Белгородского разряда черкасы, пришедшие «во крестьянство» к русским помещикам, были освобождены от этой зависимости и превратились в полноценную часть военно-служилого казацкого сословия. Это сопровождалось

43 Там же. Л. 268–269.

44 Там же. Л. 118–118 об., 144.

45 Там же. Л. 120.

46 Там же. Л. 101, 144.

47 Там же. Л. 269–270.

образованием здесь обычных для казацкой организации структур. В проведенном позднее следствии упоминаются атаманы и войты в отдельных поселениях таких казаков на спорной земле⁴⁸.

Одновременно с действиями Г. Г. Ромодановского в Москве также пытались положить конец конфликту. В ответ на жалобы, представленные лебединским атаманом Гаврилой Тимофеевым, ему 24 февраля были вручены грамоты в Путивль, Лебедин, Сумы, Олешню и Каменное. В них предлагалось с участием «приказных людей» из этих городов провести на спорной земле межевание «по Обакумовым книгам Иевлева»⁴⁹. Речь шла, таким образом, как и ранее, о подтверждении существовавшего порядка: «межи и грани досмотреть по межевым Обакумовым книгам Иевлева»⁵⁰. При этом, однако, были сделаны указания получить ответы на ряд вопросов. Так, по-видимому, по инициативе лебединцев следовало выяснить, откуда пришли на спорные поселения черкасы и «по какому... указу». Но вместе с тем теперь следовало заняться и вопросом о том, как составлялись книги А. Иевлева «и в то ж время спор в той земли был ли, и чем хто спорил»⁵¹. Таким образом, не исключалась возможность и некоторого пересмотра порядков, установленных книгами А. Иевлева, с учетом интересов помещиков. Как представляется, эти обстоятельства повлияли на судьбу задуманного проекта. Если каменовцы проявили явный интерес к организации такого съезда⁵², то иной оказалась позиция лебединцев. Грамоты о созыве съезда были отправлены «с лебединскими черкасы с челобитчики»⁵³. Как утверждали позднее дети боярские из Каменного, грамоты эти в соответствующие города не были отправлены⁵⁴. Это было не совсем так – соответствующие грамоты 9 марта были отправлены⁵⁵. Но элемент истины в их утверждениях был. В созыве съезда, который мог бы поставить под сомнение книги А. Иевлева, в Лебедине, конечно, не были заинтересованы. К тому же к тому времени, когда посольство лебединцев вернулось из Москвы, благодаря действиям Г. Г. Ромодановского открылись возможности для достижения желанной цели, не прибегая к созыву съезда.

48 Там же. Л. 120, 126, 175.

49 Там же. Д. 163. Л. 265; Д. 161. Л. 53, 57.

50 Там же. Д. 161. Л. 242 об.

51 Там же. Л. 176, 178, 239.

52 Там же. Л. 65–66.

53 Там же. Л. 242.

54 Там же. Л. 53.

55 Там же. Л. 39.

Если в произошедших событиях Г. Г. Ромодановский последовательно поддерживал черкас, то иной оказалась позиция центральной власти. Очевидно, что на бояр произвели отрицательное впечатление жалобы каменовцев на тяжелое положение, в котором они оказались после действий К. Мезенцева и насилий черкас. Г. Г. Ромодановскому, следуя за предложениями В. Люшина, предлагалось «стрелецкого голову роспросить», после чего «про грабеж лебединских черкас» князь должен был «розыскать всякими сыски накрепко и разоренья» каменовцев «досмотреть». В Разряд следовало доставить «роспросные речи» головы и «сыск»⁵⁶. Любопытно, что перевод черкас – крестьян русских помещиков на казацкую службу при этом никак не затрагивался ни в данном документе, ни в последующих.

Так как в Москве не разделяли позиции Г. Г. Ромодановского, центральной власти приходилось искать собственное решение. 22 августа путивльский воевода Ф. Хрущов был поставлен в известность о том, что до принятия решения спорной землей должны владеть каменовцы. Лебединцам следует сообщить, что для решения спора будет устроен розыск, когда воеводы возвратятся из похода⁵⁷. Затем последовало распоряжение воеводе до «указа» передать спорную землю каменовцам, а лебединцам ею «не владеть». А посеянный хлеб следует собрать каменовцам, так как лебединцы на занятой ими земле «хлеб сеяли самовольством, не дождався указу»⁵⁸. Вместе с тем 4 ноября отмечалось, что не следует отдавать «лишние земли», которая должна быть передана черкасам⁵⁹. Так рассчитывали, видимо, уладить конфликт.

Тем временем 5 ноября из Курска в Москву были присланы межвые книги Д. Маконалова и К. Мезенцева⁶⁰. Тогда же Г. Г. Ромодановский сообщил, что он установил границы и следует «тою землею владети лебединским черкасом сотнику Софрону Васильеву да отаману Ефиму Григорьеву да войту Федорову и казакам, и всему городу Лебедину». Но на намерения центральной власти эти шаги не повлияли. 28 ноября 1678 г. было принято решение думных дьяков, устанавливавшее условие сосуществования сторон до указа⁶¹. Каменовцам,

56 Там же. Л. 60.

57 Там же. Л. 16.

58 См. об этом в отписке Ф. Хрущова (Там же. Л. 163). Если лебединцы распахивали здесь «дикое поле», они должны были отдать каменовцам половину урожая (Там же. Л. 409).

59 Там же. Л. 301 и след.; л. 36.

60 Там же. Л. 80.

61 Там же. Л. 1–3.

«которые в тех слободах поселились», предоставлялось право там «жители им по прежнему до указу» и «посеяной хлеб жатьи им». Леса за Пслем стороны могли пользоваться совместно. Так, по существу, подтверждались решения, принятые уже в августе. В дальнейшем «о всем по розыску учинено будет», когда воеводы «ис полков будут». В Лебедин Г. Малышеву была отправлена грамота с сообщением о принятых решениях⁶². Таким образом, в центре ориентацию Г. Г. Ромодановского на поддержку черкас г. Лебедина не поддержали. Было принято решение взять под защиту пострадавших помещиков. Вместе с тем о каких-то карательных мерах по отношению к лебединцам и их главе, сотнику Софрону Васильеву, на основании жалоб каменовцев речи не было. По-видимому, в Москве склонялись к тому, чтобы погасить конфликт благодаря разделу спорной территории между каменовцами и лебединцами.

С осуществлением задуманного плана возникли серьезные трудности, о чем в Москве узнали из отписки Ф. Хрущова, полученной 7 декабря. В ней воевода сообщал, что отправил на спорную землю стрелецкого голову Сергея Чубарова. Он должен был «до указу» «выслать» лебединских черкас, передать каменовцам спорную землю и дать им возможность сжать на ней хлеб⁶³.

В поездке с С. Чубаровым был отряд стрельцов, приказный человек из Каменного В. Люшин и помещики-каменовцы. Как сообщал Ф. Хрущов, С. Чубаров пытался добиться поставленных целей. Он объявил, что спорная земля передается каменовцам, как и хлеб на их наделах, а хлеб, собранный лебединцами на «диком поле», следует поделить между каменовцами и лебединцами. Но он сразу столкнулся с сопротивлением. Хлеб был уже собран, но черкасы «для переписки всякого хлеба на гумна с ним не пошли» и отказывались сообщить, «кто что и где посеял»⁶⁴.

19 октября голова В. Люшин из Каменного писал в Лебедин местному голове Г. Малышеву, сообщая, что на спорной земле «велено жить каменовцом» и он должен черкас «унять». В тот же день С. Чубаров поехал в спорные села, чтобы черкас «выслать»⁶⁵. Сохранился целый ряд сообщений, что С. Чубаров столкнулся с вооруженным сопротивлением. Черкасы Чубарова и стрельцов в села «не пустили...

62 Там же. Л. 3а, 5.

63 Там же. Л. 163, 179.

64 Там же. Л. 166–168.

65 Там же. Д. 163. Л. 103–104.

били цепами и ослопьем и гоняли за ними с ружьем и з бердыши»⁶⁶. При этом приехавших с С. Чубаровым помещиков «били смертным боем и грабили»⁶⁷. В итоге С. Чубаров и стрельцы «отошли от них, боронясь, до Каменного»⁶⁸. Помещиков черкасы захватили и доставили в Лебедин, откуда они «биты и сечены» возвратились в конце октября в Каменное⁶⁹.

Ряд свидетельств говорит об активном участии в событиях не только приезжих лебединцев во главе с Софроном Васильевым, но и черкас – жителей сел, бывших крестьян русских помещиков.

Главное столкновение С. Чубарова и его спутников с черкасами состоялось у с. Присталова. Как отмечено в одном из свидетельств, «били де его, Сергея, и присыльных людей... села Пристайлова все жители»⁷⁰. Согласно имеющейся справке, в Присталове было 17 дворов помещиков и 174 двора черкас, которые поселились «на их поместных землях»⁷¹. Ряд подробностей происходившего можно узнать из челобитий, подававшихся позднее каменовцами прибывшему представителю центральной власти – князю И. Н. Белосельскому. Так, выясняется, что эти черкасы дворы помещиков, у которых они жили, «пожгли без остатку»⁷². В челобитье помещиков из Присталова на черкас – «бывших своих повольных крестьян» говорилось, что те «помещиков... бив и связав, отвезли в Лебедин»⁷³. Помещики обвиняли бывших крестьян и в грабеже их «животов» во время волнений после приезда С. Чубарова⁷⁴. Помещики обвиняли «черкас, которые живут с ними в тех деревнях, в бою и в грабеже, и в поругательстве и разоренье»⁷⁵. Как видно из отписок каменского головы В. Люшина, поездка из Путивля на спорные земли вызвала отрицательную реакцию князя Г. Г. Ромодановского. Он предписал и В. Люшину, и С. Чубарову «лебединских черкас не высылать, и хлеба у них не переписывать», а Чубарову вернуться в Путивль⁷⁶. Одновременно боярин писал в Лебедин Г. Малышеву,

66 Там же. См. также: Там же. Д. 161. Л. 81, 180; Д. 163. Л. 146.

67 Там же. Д. 163. Л. 99.

68 Там же. Л. 111.

69 Там же. Л. 116.

70 Там же. Л. 249.

71 Там же. Л. 406.

72 Там же. Л. 13.

73 Там же. Л. 160.

74 Там же. Л. 207 и след., 247–248.

75 Там же. Л. 252.

76 Там же. Л. 100, 106, 272.

чтобы тот «лебединских черкас государскою милостью обнадежил», и сообщил, что командующий «их высылать не велел»⁷⁷. Одновременно Г. Малышев предложил В. Люшину прекратить действовать вместе с Чубаровым, иначе он обратится в Курск⁷⁸. Очевидно, он рассчитывал на поддержку главы Белгородского разряда.

После неудачи С. Чубарова последовали новые попытки выполнить царский «указ». В 1680 г. с этой целью из Путивля воевода Ф. Нарбеков «посылал межевать» спорные земли черниговца Василия Вишневого. По сохранившимся сведениям, Софрон Васильев его «с тое земли взял силно и свез в Белгород, а тое земли межевать не дал». Помещиков, которые приехали на «межеванье», снова «били смертным боем»⁷⁹. Была предпринята еще одна попытка. 24 июня 1680 г. находившемуся на Украине князю В. В. Голицыну было предложено послать кого-либо «из московских чинов» на спорную землю и произвести там «межевание», опираясь на книги Ф. Арсеньева, а книги А. Иевлева следует «отставить», так как он «сам на той земле не был и межей и граней за рекою Пслою не положил». На этой земле следовало выделить «дачи» детям боярским Каменовского уезда, а остальную землю передать лебединским черкасам⁸⁰.

Текст грамоты еще раз ясно показывает, что в Москве, в отличие от Г. Г. Ромодановского, не встали на сторону черкас. Очевидно, оказывали воздействие челобитные детей боярских Каменовского уезда об их тяжелом положении (см. об этом выше), да и возражения против книг А. Иевлева представлялись обоснованными. По-видимому, в Москве рассчитывали положить конец конфликту благодаря разделу земель за Пслою между враждующими сторонами.

На спорную землю были отправлены дворянин В. Изъединов и подьячий С. Сызновский. Их донесение позволяет судить о том, что затем произошло⁸¹. Они отправились на спорную землю 30 июля, получив нужные материалы из Каменного. Но лебединские черкасы «мерять и межевать не дали», а для наделения детей боярских из Каменного указывают «дикое поле по между Абакума Иевлева, а не пахотную землю». В гораздо более острых тонах ситуация характеризуется в фрагменте их другого донесения. Они сообщали,

77 Там же. Л. 116.

78 Там же. Л. 111.

79 Там же. Л. 15, 74, 164.

80 Там же. Д. 161. Л. 93–94.

81 Там же. Л. 262–264.

что «дач отмежевать» помещикам по книгам им «не дали... и з земли... сослали с шумом и невежеством и с подвод нас побрали... на спорную землю не поехали и нас не пустили»⁸². Сообщение об этом не удалось передать князю В. В. Голицыну, так как он был «отпущон к Москве»⁸³.

О каких-то санкциях, наложенных на лебединцев за их неоднократное «непослушание», сведений нет. Несомненно дети боярские из Каменного продолжали жаловаться (вероятно, при поддержке отдельных воевод) на свое тяжелое положение. Имел значение, вероятно, и уход Г. Г. Ромодановского с поста командующего Белгородским разрядом, и в Москве было принято решение отправить для урегулирования отношений одного из воевод Путивля, князя Ивана Никифоровича Большого Белосельского.

К сожалению, от этой важной миссии сохранились лишь отдельные, не связанные между собой фрагменты. Особенно плохо отсутствие наказа, в котором подробно определялись и цели деятельности посланца, и методы их достижения. Сохранилось лишь его краткое изложение в грамоте посланца И. Н. Белосельского. 12 апреля 1681 г. он получил из Разряда грамоту с предписанием ехать по челобитью детей боярских из Каменного на «спорную землю». Он должен был восстановить их «дачи» по старым книгам, «отставить» книги А. Ивлева. Оставшуюся после этого землю следовало передать лебединским черкасам, чтобы в дальнейшем не было «жалоб»⁸⁴. Пересказывается также грамота от 21 марта, в которой князю предлагалось, чтобы он «вражду промеж тех городов жителей унял». С некоторым удивлением он констатировал, что хотя черкасы «учинились непослушны», «о наказанье черкасам и никому об очных ставках и ни о каком розыску ему, князю Ивану, в государеве грамоте не написано»⁸⁵. Таким образом, о каких-либо санкциях по отношению к «непослушным» черкасам не говорилось, и главное состояло в том, чтобы он постарался положить конец конфликту, учитывая интересы каменовцев. Но в этом плане выбор оказался неудачным. В отличие от главных властей Белгородского разряда, воеводы в Путивле поддерживали связи с детьми боярскими и властями Каменного. Уже 1 июня в Путивльской приказной избе была подана челобитная помещиков

82 Там же. Д. 163. Л. 135–136.

83 Там же. Д. 161. Л. 101.

84 Там же. Л. 11–12.

85 Там же. Л. 67.

спорных земель на черкас «в своих обидах»⁸⁶. К сожалению, о том, как протекала миссия И. Н. Белосельского, сохранились также отрывочные сведения.

Князь И. Н. Белосельский приехал на спорные земли в с. Приста-лово в начале мая 1681 г. Как сообщал позднее воевода в Москву, в это время к нему приехал Софрон Васильев, «а с ним пятьсот человек», он живущих в селах «научал и сам хотел ево, князь Ивана, и ратных людей, которые с ним были, бить, и межевать той земли не дал»⁸⁷. Совсем иную характеристику положения дел дает челобитная лебединцев. По их словам, когда они приехали к воеводе, он им «указа никакова не сказал и от себя отослал в Лебедин»⁸⁸. Судя по тому, что И. Н. Белосельский остался на спорной земле и предпринял ее описание, именно утверждение челобитной соответствует фактам. И. Н. Белосельский, воевода и стольник, был гораздо выше рангом, чем предшествовавшие межевщики, и лебединцы не решились препятствовать его деятельности.

При отсутствии черкас И. Н. Белосельский мог произвести описание территории и выделить поместные дачи детям боярским из Каменного. В Москве рассчитывали, что часть спорной земли после описания будет передана черкасам, но эти расчеты не оправдались. И. Н. Белосельский сообщал, что после выделения «дач» помещикам осталось только 100 четвертей земли в одном поле, «а на той остаточной земле... сеножатей и воды, и никаких угодей нет»⁸⁹. 17 июня в Москву поступило составленное И. Н. Белосельским описание и «чертеж»⁹⁰.

Этим, однако, деятельность воеводы не ограничивалась. Как сообщал в Москву воевода, ему пришлось заняться вопросом об отношениях вернувшихся в спорные села помещиков и находившихся там черкас, которых некогда помещики там поселили «во крестьянстве». Помещики требовали «очной ставки» с ними, и воевода пошел им навстречу⁹¹. Как сообщал И. Н. Белосельский в Москву, дети боярские обвиняли этих «новоприхожих черкас» в том, что те их «били и надругательство всякое чинили и из дворов их выбивали и животы их... и всякую скотину отымали по повелению лебединского сотника Софрона Васильева»⁹². Был

86 Там же. Л. 161.

87 Там же. Л. 195.

88 Там же. Д. 163. Л. 11.

89 Там же. Л. 17.

90 Там же. Д. 161. Л. 203.

91 Там же. Д. 163. Л. 16.

92 Там же. Л. 13.

подан и список отобранного у них имущества, оцененного в 320 руб.⁹³ Как представляется, речь шла при этом не только о возмещении ущерба. Когда эти черкасы были зачислены в «казаки», возникла опасность, что они смогут вместе с лебединцами претендовать на получение спорной земли. Поэтому важно было зафиксировать, что они пришли к помещикам «во крестьянство» и, следовательно, выступив против них, утратили всякие права на землю⁹⁴.

Сохранился ряд записей об обвинениях, которые выдвигались на «очных ставках» против атаманов и войтов во главе поселений черкас в спорных селах⁹⁵. На «очных ставках» были зафиксированы их признания, что дети боярские их приняли «за себя жить во крестьянстве» и они «во всем их слушали», но позднее они «слушали во всем» Софрона Васильева, а помещиков «не слушали... ис того их поместья изгоняли и розаряли, и в той де их вине великий государь волен»⁹⁶. Наказание за это должна была установить верховная власть.

Иначе обстояло дело, когда речь шла об обвинениях помещиками конкретных лиц, которых обвиняли в захвате и присвоении чужого имущества. Тогда воевода мог назначить и назначал наказания. Так, группе «черкас» «за их воровство и грабеж учинено им наказание и биты»⁹⁷. Действия И. Н. Белосельского, открыто поддерживавшего детей боярских из Каменного и по их ходатайствам налагавшего кары на черкас – жителей спорных сел, побудили черкас Лебедина к коллективному обращению к царю. В обращении указывалось, что 7 мая черкасы, узнав о приезде И. Н. Белосельского, «к нему ездили», но он их отослал. А теперь он и терновский сотник Андрей в спорных селах стоят и живущих в них черкас «бьют и грабят, и повязав, многих людей возят за собою», «от казаков ружье и ружьяды пограбили и обиды большие чинят». Пусть царь не допустит живущих в тех селах «до конца разорить и бить, и вязать, и грабить»⁹⁸. Челобитная существенно дополняет сохранившиеся фрагменты документов о деятельности И. Н. Белосельского. По-видимому, эту челобитную привезли в Москву посланцы лебединских черкас «Микита Карпов с товарищи»⁹⁹.

93 Там же. Л. 252.

94 «Те черкасы сперва жили за ними во крестьянстве, а ныне землю у них отнимают» (Там же. Д. 161. Л. 225 об.).

95 Там же. Д. 163. Л. 45–46, 120, 158, 175.

96 Там же. Л. 120.

97 Там же. Л. 53. См. также: Там же. Д. 161. Л. 271.

98 Там же. Д. 161. Л. 431–432.

99 Там же. Л. 300.

Как И. Н. Белосельский докладывал в Москву, он отвел детям боярским поместья дачи на спорных землях. Но всех вопросов это не решало. В сохранившейся справке отмечено, что из помещиков, получивших земли у главного из спорных поселений – с. Присталова, только двое решились в нем поселиться, а остальные 16 «живут в Каменном за насильством от черкас за своими бедностями»¹⁰⁰. Дети боярские из Каменного не желали мириться с таким положением. В отписке, доставленной 17 июня вместе с другими материалами, И. Н. Белосельский сообщал, что после его отъезда двory помещиков в Присталове «пожгли без остатку»¹⁰¹. Сохранившиеся материалы рисуют иную картину. 17 мая 1681 г. в Лебедине к воеводе Г. И. Шустову обратились атаман и войт казаков из с. Присталова с сообщением, что каменовский голова М. Лихинин выгнал из села казаков и мещан – 240 чел., а их 42 двора «выжгли»¹⁰².

Эти действия вызвали новое обращение лебединских черкас в Москву, доставленное туда 9 июня, еще до получения отчетов И. Н. Белосельского¹⁰³. Челобитная исходила не только от сотников, атаманов и войта и от «мещанских сотников», но и от атаманов и войтов спорных сел¹⁰⁴. Как и в более раннем обращении, здесь отмечалось, что приезжих из Лебедина князь отослал, а жителей спорных сел «многих велел бить, грабить и вязать». Отмечалось, что людей «за то ковали, чтоб мы написали скаску, что будто мы пришли в те села к каменевцам во крестьянство» и священники и войты, «убоявшись великого страху, приложили к скаске руку»¹⁰⁵. Таким образом поднимался вопрос не только о необоснованных репрессиях, но и о защите прав части казацкой общности, уже прочно вошедшей в состав общности лебединцев.

Теперь, отмечалось в челобитной, Микита Лихинин с каменевцами черкас из Присталова выгнали, «стоим на поле з женами и детьми», «помираем голодною смертью». Подчеркивалось, что в таком положении оказались сотни людей¹⁰⁶. Лебединцы просили, чтобы царь не разрешал их «с твоей... земли згонять»¹⁰⁷. Очевидно, к этому доку-

100 Там же. Д. 41. Л. 424.

101 Там же. Д. 163. Л. 13.

102 Там же. Д. 161. Л. 157.

103 Там же. Л. 10 об.

104 Там же. Л. 10.

105 Там же. Л. 12.

106 Там же. Л. 12–13.

107 Там же. Л. 13.

менту были приложены сведения о насилиях, которым подверглись отдельные черкасы, в их числе атаманы и войты. Под заголовком «по приказу стольника и воеводы каменовской приказной человек Микита Лихинин с каменовцы и с путивльцы грабежом взяли» помещены перечни отобранного имущества, включая церковные ризы и образа¹⁰⁸. На челобитные последовала быстрая реакция. 13 июня царь указал «челобитчком лебединцом» с И. Н. Белосельским и М. Лихининым «в обидах и в налогах дать очные ставки про то про все в Путивле и в Лебедине, и в Каменом». Это должен был сделать новый царский посланец князь М. Ф. Жировой-Засекин¹⁰⁹.

Как же в целом реагировали в Москве на создавшуюся ситуацию? Разумеется, здесь должны были с сожалением констатировать, что И. Н. Белосельский своими действиями вызвал новый конфликт, хотя был послан, чтобы его предотвратить. Однако этим дело не ограничивалось. Зимой 1681 г. поступили челобитные лебединцев, констатировавших, что из-за недостатка земель и угодий, «из-за тесноты и разоренья» они не в состоянии нести службу¹¹⁰. Есть основания полагать, что лебединские черкасы представляли гораздо более важную военную силу, чем дети боярские Каменовского уезда. Сохранить ее в исправном состоянии становилось важной задачей.

Об этом говорит содержание инструкций отправленному из Москвы на Слобожанщину новому посланцу кн. М. Ф. Жировому-Засекину. К сожалению, от его наказа, датированного 27 июня 1681 г.¹¹¹ сохранились лишь отдельные фрагменты, разбросанные беспорядочно по архивному делу. Все же они позволяют составить определенное представление о целях его миссии и о том, как их достижения следовало добиваться.

Правда, общее решение оставалось таким же, как и раньше, – детям боярским следовало вернуть их «дачи» по книгам Ф. Арсеньева 1651 г. – «по тридцати чети человеку», а «что по мере останетца», передать черкасам¹¹². Однако при этом указывалось, что после описания должна прекратиться «тех городов промеж жителей всякая вражда». Поэтому следовало «каменовцам по дачам земля отмежевать, а черкас землею не потеснить»¹¹³. В этой связи М. Ф. Жировому

108 Там же. Л. 271 и след.

109 Там же. Д. 41. Л. 423.

110 Там же. Д. 151. Л. 72.

111 Там же. Д. 163. Л. 253.

112 См.: Там же. Л. 134.

113 Там же. Л. 277.

Засекину предписывалось «дачи» каменевцам «перемерить вновь накрепко»¹¹⁴ – очевидно, чтобы получить землю, которую можно было бы передать черкасам. В этой связи подвергались критике действия И. Н. Белосельского, после раздачи которого осталось только 100 четвертей земли, которые он «отмежевал к безводному и безлесному месту», а такую землю следовало «примежевать к воде и к лесу, и к угодному месту, чтобы на той земле можно было поселитца лебединским черкасом»¹¹⁵.

В Москве, по-видимому, понимали, что «лишней» земли может и не хватить. Посланец должен был черкас, живущих на спорной территории, «пересмотреть» и выяснить, «в тех селех мочно ль их землями устроить». Может быть, придется «ис тех сел... черкас перевести в ыные места, куды пригож»¹¹⁶. Таким образом, посланец должен был серьезно заняться вопросом об обеспечении земель лебединских черкас после возвращения «дач» детям боярским Каменовского уезда.

Однако одним «межеванием» деятельность посланца не должна была ограничиваться. Прекращению конфликтов должен был способствовать разбор многочисленных жалоб, которые обе стороны подавали друг на друга. Предписывалось «с обеих сторон» «челобитчиков всех роспросить про все статьи подлинно»¹¹⁷. Вместе с тем следовало людям «в обидах и налогах и во взятках, и во всяких неправдах дать очные ставки»¹¹⁸. Речь должна была идти не о волнениях, а о злоупотреблениях. Для проведения такого следствия М. Ф. Жировой-Засекин получил особые полномочия. В наказе предписывалось предводителей враждебных сторон М. Лихинина из Каменного и Софрона Васильева из Лебедина «во время сыску выслать в ыные города, а у сыску быть им не велеть»¹¹⁹. Ивана Белосельского следовало «из Путивля выслать в Рыльск, а Путивль ведать ему, князь Михаилу»¹²⁰. Отсутствие этих людей, очевидно, должно было обеспечить объективное рассмотрение дел. Позднее, по-видимому, такое решение пришлось изменить, так как М. Ф. Жировому-Засекину пришлось столкнуться с обвинениями по адресу этих руководящих лиц, которые нельзя было рассматривать в их отсутствие.

114 Там же. Л. 52.

115 Там же. Л. 141.

116 Там же. Л. 52, 139, 246.

117 Там же. Л. 279.

118 Там же. Л. 232.

119 Там же. Л. 281.

120 Там же. Л. 232, 299.

Пришлось направить предписание М. Ф. Жировому-Засекину на князя Ивана Белосельского «лебединским черкасам по их челобитью в обидах... дать очные ставки»¹²¹. М. Лихинин был также извещен: «по челобитью лебединских черкас велено тебя распросить... с челобитчики дать очные ставки»¹²². Нельзя не увидеть в этом реакцию на челобитные лебединских черкас. Никаких карательных действий посланцу не поручалось. Напротив, в наказе М. Ф. Жировому-Засекину содержится отрицательная оценка следствий, проведенных И. Н. Белосельским. Ему предписывалось опросить князя, «по какому указу... у каменовцев на лебедянских черкас принимал челобитные и скаски, и давал им очные ставки, и черкас кнутом бил, и розыск чинил», хотя «того всего в государеве грамоте не написано»¹²³. Разумеется, заслуживает внимания запрет воеводе без «указа» принимать у каменовцев челобитные на черкас. Из сохранившихся фрагментов деятельности И. Н. Белосельского ясно, что воевода устраивал очные ставки детям боярским с теми черкасами, которые ранее жили за ними «во крестьянстве», и именно лиц из этой среды подвергал наказаниям. Как представляется, воевода имел право наказывать крестьян, проявивших неповиновение помещику, тем более что они сами признались в этом, но дело было в том, что, как отмечено выше, эти люди затем были взяты властями Белгородского разряда в «казаки» и «мещане» и воевода уже не мог по отношению к ним предпринимать каких-либо действий, не имея на этот счет особых полномочий. Его действия были нарушением особого статуса этой общности людей. Решения И. Н. Белосельского, вероятно, следовало отменить.

К сожалению, на этом известные нам комплексы документов обрываются, и неизвестно, каковы были результаты поездки М. Ф. Жирового-Засекина.

Продланное исследование позволяет сделать ряд важных наблюдений. Сообщество черкас в Лебедине выступает как важная сила, способная осуществлять и осуществляющая важные самостоятельные действия. Разумеется, в Лебедине был назначенный из Москвы воевода, и черкасы, кроме этого, подчинялись сумскому полковнику. Сумской полковник осуществлял их «разбор» и руководил военной службой. Но в сообщениях о действиях содружества черкас против помещиков ни тот, ни другой никак не упоминаются и на них

121 Там же. Л. 242.

122 Там же. Л. 283.

123 Там же. Л. 238.

не влияют. Сумской полковник, впрочем, неоднократно упоминается при обсуждении вопроса об отношениях содружества черкас с гадяцким полковником, и эти сведения будут рассматриваться в соответствующем месте. Важным представляется и отсутствие сведений о конфликтах между содружеством черкас с воеводой и полковником, которые, очевидно, не пытались ограничивать их права. Черкасы Лебедина явно не выступают как подчиненная, неравноправная часть общества. В имевших место конфликтах они выступают как равноправные противники русских помещиков. Очевидно внимательное отношение к пожеланиям черкас командующего Белгородским разрядом Г. Г. Ромодановского. Более того, налицо готовность давать казачий статус приходящим из гетманства крестьянам, чтобы увеличить военную силу даже за счет интересов помещиков.

Серьезного внимания заслуживает материал о характере контактов лебединских черкас с центральной властью. Это содружество неоднократно прямо обращается в Москву, минуя промежуточные инстанции. В отличие от властей Белгородского разряда, в Москве ряд пожеланий черкас не удовлетворили. Важно, однако, отметить, что право лебединцев обращаться со своими пожеланиями к власти не ставилось под сомнение. Очевидно и внимательное отношение к челобитным, где речь шла о несправедливых и тем более карательных действиях по отношению к лебединцам. В Москве требовали расследования таких поступков, в том числе и таких, которые осуществлялись представителями властей, посланными из Москвы. Обращает на себя внимание отсутствие в имеющейся переписке каких-либо упоминаний о карательных санкциях на лебединцев во главе с Софроном Васильевым за неоднократное «неповиновение» действиям представителей власти. Софрон Васильев за организацию таких выступлений не подвергся наказаниям и сохранил свой пост сотника. В Москве, очевидно, в существующей обстановке османской экспансии и польских притязаний на Левобережье были заинтересованы в лояльности черкас и готовы были для этого на важные отступления от принятой в Русском государстве практики. Это, как представляется, оказывало влияние и на отношения черкас к планам включения их в состав Гетманства.

* * *

В начале 80-х гг. XVIII в. поселения казаков в Западной части Слобожанщины стали привлекать к себе внимание казацкой верхушки Левобережного гетманства. В 70-х гг. XVII в. здесь серьезно рассчитывали, опираясь на поддержку России, включить в состав

гетманства земли Правобережной Украины, но к началу 1681 г. стало ясно, что осуществить такие планы не удастся и на землях Правобережья установится власть османов. В этих условиях, как известно, у казацкой верхушки гетманства появились планы расширения и укрепления гетманства за счет включения в его состав земли на Слобожанщине с многочисленными здесь поселениями украинских казаков – «черкас» на землях Сумского и Ахтырского полков. Послы гетмана И. Самойловича – И. Мазепа и гетманский племянник, гадяцкий полковник Михаил Васильев – весной 1681 г. в Москве постарались добиться этого¹²⁴. Однако попытки укрепления позиций казацкой старшины в этом районе предпринимались и в более ранние годы. И. Самойлович приложил усилия, чтобы здесь появились владения одного из близких к гетману людей, его племянника, гадяцкого полковника Михаила Васильева. Полк, которым он командовал, был соседом Сумского полка Белгородского разряда, на границе которого с гетманством располагалась колония черкас в Лебедине. В грамоте гетмана царю Федору Алексеевичу говорится, что он обратился к командующему Белгородского разряда князю Г. Г. Ромодановскому, чтобы его племяннику пожаловали «меж слободскими украинскими городами часть некоторую земли на поместье». Эта просьба дополнительно обосновывалась тем, что «его отец и мать в слободском городе Лебедине имеют свое житие». Просьба была удовлетворена, и Ромодановский велел «на поместье земли отмереть»¹²⁵. В результате во владение полковнику в 1675 г. были переданы земли на территории за рекой Псел, граничившей с Гадяцким полком. Соответствующие земли по указанию Ромодановского выделил курчанин Самсон Агеев сын Денисов¹²⁶. Как представляется, такое удовлетворение просьбы гетмана следует рассматривать как определенный знак внимания со стороны центральной власти по отношению к И. Самойловичу и его советникам, понятный в условиях, когда становилась весьма важной борьба с османской экспансией на юге Восточной Европы, в которой успешное сотрудничество с гетманством было весьма полезным.

124 *Костомаров Н. И.* Собрание сочинений. Исторические монографии и исследования. Кн. 6. Т. XV: Руина. Гетманства Бруховецкого, Многогрешного и Самойловича. СПб., 1905. С. 322.

125 См. об этом в грамоте гетмана царю Федору: РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 156. Л. 48–49.

126 См. об этом в грамоте И. Самойловича (Там же. Л. 49), в челобитной Михаила Васильева (Там же. Л. 78), в челобитной лебединцев (Там же. Л. 71). См. также выпись из книг Самсона Денисова (Там же. Л. 89 и след.).

Не исключено, что при этом стороны могли преследовать разные цели. И. Самойлович, возможно, уже тогда хотел приобрести определенные позиции на Слобожанщине, которую он хотел бы включить в состав гетманства, а центральная власть могла рассчитывать, что гадяцкий полковник, получив земли на территории Белгородского разряда, будет поддерживать политику русской власти по отношению к гетманству.

Особенность пожалования состояла в том, что Михаилу Васильеву передавалась незаселенная, не занятая никем земля – «дикое поле, ни за кем в даче не бывало»¹²⁷. Передаваемая территория была достаточно значительной по размерам. Располагалась она «за рекою Псло» на территории, граничившей с гетманством с центром в «урочище Бесишеве». Самсон Денисов эту землю «от новопостроенного города Междуречья отделил»¹²⁸. Переданная территория, как сообщали гетман и его племянник, доходила до р. Грунки, северного притока Псла, и «за нее». На этой территории полковнику передавались леса «по озерам и по затонам, рыбные ловли и всякие угодыя». Лишь находившийся там «большой дровяной лес» должен был находиться в общем владении полковника и лебединских черкас¹²⁹. Так полковник стал их соседом на Слобожанщине. Стоит еще раз отметить, что в грамоте И. Самойловича царю выделение племяннику земель в Лебединском уезде обосновывалось тем, что «его отец и мать в слободском городе Лебедине имеют свое житие»¹³⁰. Так, видимо, обосновывалось право полковника на приобретение здесь земель и некое сосуществование полковника и сообщества лебединских черкас.

Это сообщество рассматривало земли на север от Псла как общий земельный фонд, где они в одних местах «сенные покосы расчистили», а в других «кашивали все вопче». А теперь полковник получил эти земли, их «ложно называючи пустою гулящею землею», хотя ранее Самсон Денисов на этих землях «пушкарем и иным черкасом многим крепости за своею рукою подавал». Теперь были установлены новые границы, и эти крепости были, очевидно, аннулированы¹³¹. Но резкого выступления лебединцев против полковника не произошло. По-видимому,

127 Там же. Л. 78. Челобитная Михаила Васильева.

128 Там же. Л. 89. Выпись из отдельных книг от февраля 1676 г.

129 См. характеристику пожалования в челобитной Михаила Васильева: Там же. Л. 78–79.

130 Там же. Л. 49. В выписи из книг Самсона Денисова отмечена передача земель «по челобитью лебединского жителя Михаила Васильева» (Там же. Л. 89).

131 См. текст челобитной лебединцев: Там же. Л. 70–71.

на этот раз он действительно получил главным образом неосвоенные земли. Его земли соседствовали с землей, выделенной русским пушкарям г. Лебедина, а также с владениями одного из главных руководителей лебединских черкас, сотника Софрона Васильева – упоминаются его «лука», «сеножати», «пасека»¹³². Полковник стал осваивать полученную им землю, поселяя на ней «людей новоприхожих из-за Днепра» – черкас. Центром этих владений стало село Михайловское¹³³. Первоначально, видимо, какое-то время владения полковника и лебединских черкас на север от Псла сосуществовали, а затем начались конфликты.

Одним из соседей земель полковника стала «сеножатная» земля «в длину на версту, а поперег на пол-версты», выделенная русским пушкарям г. Лебедина. Подобно полковнику, пушкари стали селить на полученной земле переселенцев-«черкас». Дело быстро дошло до пограничных столкновений. Полковник жаловался, что эти переселенцы «дровой... лес секли», «землю пахали» на его «дачах», но Михаил Васильев им «лесу сечь и поля пахать не дал»¹³⁴. К сожалению, «челобитья» пушкарей, которые описывали бы положение со своей точки зрения, по-видимому, не сохранились. Но, имея более полные знания о других аналогичных ситуациях, можно с основанием полагать, что аналогичные действия предпринимались и жителями новых владений полковника. Полковник, однако, нашел возможность разрешить возникший конфликт в свою пользу. Используя, вероятно, разные способы воздействия, он к 1680 г. добился того, что «новоприхожие люди», поселившиеся на «пушкарской» земле, высказали новому командующему Белгородского разряда князю П. И. Хованскому пожелание «жить за» полковником, «а не за пушкарями»¹³⁵.

В отличие от «русских» пушкарей Лебедина, «прихожие люди» были украинцами, но было бы неосторожно, опираясь на утверждение Михаила Васильева, делать вывод, что эти люди хотели бы находиться под властью украинского администратора. Пушкарей в Лебедине было всего 16 человек¹³⁶, и они, конечно же, не могли защитить поселенцев от воздействия на них слуг полковника. Иначе сложилась ситуация, когда полковник столкнулся с достаточно многочисленным

132 См. выпись из отдельных книг 1676 г.: Там же. Л. 90–91.

133 См. челобитную Михаила Васильева: Там же. Л. 78.

134 Там же. Л. 78–79.

135 Там же.

136 Там же. Л. 73.

и консолидированным сообществом лебединских черкас, способных выступить против него «всем городом».

Конфликт возник, как отмечено в челобитной Михаила Васильева, между его подданными и людьми из соседних владений сотника Софрона Васильева. Возникали столкновения из-за использования леса, лугов, ловли рыбы. Победить в происходивших столкновениях полковник, судя по всему, не смог, и в начале февраля 1681 г., приехав в Москву, жаловался царю Федору, что от людей Софрона «людишкам моим убийства и грабежи, и озорничества чинятца большие»¹³⁷. Полковник рассчитывал добиться своего с помощью властей Белгородского разряда, заинтересованных в сотрудничестве с гетманством в условиях продолжавшейся войны с османами. Как писал Михаил Васильев в челобитной, в суде (очевидно, в центре Белгородского разряда – в Курске) Софрон Васильев был признан виновным «в убойстве и озорничестве, и в грабежах», и, так как Лебедин был частью Сумского полка, сумскому полковнику Герасиму Кондратьеву было «веле-но... за то ему учинить наказанье»¹³⁸. Разумеется, в том, что Михаил Васильев объективно описывал происходившие события, совсем нельзя быть уверенным. Его сообщение закономерно вызывает ряд вопросов. Обвиненный в серьезных преступлениях Софрон Васильев не был отстранен от должности и арестован, а его «наказанье» поручено почему-то сумскому полковнику. К тому же о каких-либо вознаграждениях на такое решение ничего не говорится в челобитной лебединцев. Как представляется, Софрон Васильев был действительно обвинен в подобных действиях, но разбирательство, вероятно, показало, что они были ответом на аналогичные действия со стороны людей гадяцкого полковника. Сумской полковник, вероятно, должен был постараться погасить конфликт, сделав Софрону внушение. Так, вероятно, объясняется недовольство Михаила Васильева тем, что сумской полковник Софрону «наказанья не учинил». Идя навстречу пожеланиям гетмана и его советников, власти Белгородского разряда одновременно, вероятно, хотели избежать конфликта с большой, хорошо организованной колонией черкас на своей территории.

В 1680 г. Михаил Васильев предпринял попытку с помощью властей Белгородского разряда закрепить за собой спорные территории. Он «бил челом» князю П. И. Хованскому о «прибавке земли», так как ему «притесно было жить». Этого удалось добиться, когда Самсон

137 Там же. Л. 82.

138 Там же. Л. 82.

Денисов летом 1680 г. провел писцовые описания, выделив ему новые земли и установив новые границы. Полковнику была передана «пушкарская сеножатная земля» «меж речки Камышенки и Озакова колодезя» вместе с дворами черкас, поселившихся на этой земле¹³⁹. Но этим дело не ограничилось. Полковнику были переданы земли «от Азакского городища до Азацкого озера», рыбная ловля на озере тоже передавалась Михаилу Васильеву. Речь шла о земле, которая «никому не отдана и не владеет ею никто». Речь шла о весьма обширной территории «на 5 верст, а поперег до Гадяцкого уезду на пять ж верст» 1250 четвертей в поле, «а в дву потому ж». Территория эта граничила с селом Капустенским Гадяцкого полка. Судя по упоминаниям названий с корнем «Азак», есть основания подозревать, что полковник получил часть территорий, являвшихся объектом борьбы между жителями Лебедина и Каменного: земли у деревни Азак. Наконец, полковник получил разрешение поставить на реке Псел мельницу «против ево полковника села»¹⁴⁰.

Оформление передачи земель полковнику совершалось обычным порядком. Описание земель закончилось 1 июля 1680 г.¹⁴¹ 19 августа командующему Белгородского разряда князю П. И. Хованскому последовал «указ» выдать «выпись» полковнику на его новые владения¹⁴², и 18 октября соответствующий документ был выдан¹⁴³. Предпринимались дополнительные усилия по закреплению этих земель за Михаилом Васильевым. Сам полковник, посетивший Москву вместе с И. Мазепой, в поданной в Разряд 26 февраля челобитной просил на полученные им земли на Слобожанщине «вотчинную жалованную грамоту», чтобы его жене и детям «мочно было вечно владети»¹⁴⁴. Гетман И. Самойлович в грамоте от 15 февраля 1681 г. поддержал просьбу своего племянника¹⁴⁵.

Для предпринятых хлопот была важная причина. Предпринятые властями Белгородского разряда и полковником действия по образованию его новых владений вызвали острое недовольство содружества

139 Там же. Д. 163. Л. 18–22. Выпись из книг Самсона Денисова гадяцкому полковнику «на порозжую землю дикого поля». См. также: Там же. Л. 93 (другая выпись).

140 См. выписи из книг С. Денисова: Там же. Л. 94–95, 100–102.

141 Там же. Д. 156. Л. 94 об.

142 Там же. Д. 161. Л. 348.

143 Там же. Д. 156. Л. 100 и след.

144 Там же. Д. 163. Л. 81.

145 Там же. Л. 56.

лебединских черкас, солидарно выступивших против предпринятых действий, доказывая их незаконность.

Само содержание одной из «выписей» из описания Самсона Денисова опровергает утверждение о передаче полковнику пустой, не заселенной земли. Так, в ней идет речь о пасеке, поставленной Софроном Васильевым «подле Вишневой поляны». Чтобы отобрать у Софрона пасеку, был использован конфликт между Лебединым и Каменным. На основании показаний старожилов из Каменного было установлено, что поляна «от Каменского уезду написана в порозжих землях», то есть поставлена им «в Каменской даче». Поэтому Софрону было предложено «пчелы свои перенести в старую свою пасеку», а сама территория должна была быть передана Михаилу Васильеву¹⁴⁶. Решение это, как увидим далее, было принято без всякого участия представителей лебединских черкас.

Челобитная лебединских черкас была передана в Москве их посланцами 30 января 1681 г.¹⁴⁷ В Москву обращались сотники Софрон Васильев и Иван Бирков, атаман Якуша Емцов «с товарищи всем городом и уездом»¹⁴⁸. На обороте оригинала челобитной помещены подписи двух городских священников, записавших «челобитье»: «от всего города по их веленью»¹⁴⁹. Таким образом, несмотря на различия в положении его отдельных слоев, содружество лебединских черкас в конфликте с гадяцким полковником выступало как единое целое. Стоит отметить, что в челобитной ни в каком контексте не фигурирует воевода Лебедина. Благодаря этому челобитью можно представить ситуацию с описанием 1680 г. в восприятии оппонентов Михаила Васильева.

Полковник и в 1680 г. пытался привлечь Софрона Васильева к ответственности. По его настояниям «для розыску приехали» подполковник Борис Головин и Самсон Денисов. Софрон был снова «обвинен», и сумской полковник снова ему «никакова наказания не учинил», а затем выяснилось, что сумской полковник «составлявал» челобитные на гадяцкого полковника вместе с Софроном¹⁵⁰. Таким образом, отмеченные выше разногласия между властями Белгородского разряда имели устойчивый характер. Сумской полковник, вероятно, должен был серьезно считаться с интересами черкас своего полка.

146 Там же. Л. 102.

147 Там же. Л. 70.

148 Там же.

149 Там же. Л. 25 об., 26 об.

150 Там же. Д. 156. Л. 83–84.

В челобитной указывалось, что от царя Алексея Михайловича лебединские черкасы получили земли «по той стороне реки Псла против лебединской земли на две версты». Они там в одних местах «сенные покосы расчистили», а в других «кашивали все вопче»¹⁵¹. Но с проведением описания 1680 г. их права были нарушены. При проведении новых границ как показания старожилов использовались сообщения жителей села Капустенец, расположенного на территории Гадяцкого полка. «А мы... в Лебедине про то не знали»¹⁵². В итоге земли «черкас» оказались переданы полковнику. И теперь он их «с той земли изгоняет и бьет, и сена наши, что мы накосили... все в свое село забрал себе», и «лес хоромной и дровяной... с наших прежних дач велит рубить». К этому было добавлено, что, поставив мельницу на реке, полковник «наши старые мельницы подтопил»¹⁵³. Черкасы обратились к князю П. И. Хованскому. Он прислал дворянина, но тот «указу никоторого не учинил».

В заключительной части «челобитья» подчеркивалось, что из-за действий полковника лебединцы приходят в «разоренье» и теряют возможность выполнять свою службу. К этому было неслучайно добавлено, что в поселении («городе»), основанном Михаилом Васильевым, проживает свыше 800 чел., которые «на него, полковника, делают всякие работы», а никакой «службы» в пользу государства не несут¹⁵⁴. Содержание «челобитья», как представляется, было действительно составлено после консультаций с сумским полковником Г. Кондратьевым, поскольку в нем употребляются именно такие аргументы, которые могли привлечь внимание властей к положению черкас. Челобитчики просили, чтобы царь «их землю Михаилу Васильевичу владети не велел»¹⁵⁵.

На такой шаг в Москве не пошли. 5 марта 1681 г. последовал указ о выдаче Михаилу Васильеву жалованной грамоты по просьбе гетмана «на пожиток его в Лебединском уезде»¹⁵⁶.

Грамота у лебединских посланцев все же была принята, и никаким выговорам в этой связи они не подверглись. Правда, ответа из Москвы на это обращение лебединцев найти не удалось, но конфликт привлек к себе внимание. В одной из записей о конфликте

151 Там же. Л. 70.

152 Там же. Л. 71.

153 Там же. Л. 71.

154 Там же. Л. 72.

155 Там же. Д. 161. Л. 88.

156 Там же. Д. 163. Л. 29.

лебединцев с гадяцким полковником отмечалось, что, делая пожалования полковнику, царь у черкас «земель и всяких угодей отнимать не велел», и предлагалось выяснить, какую компенсацию за потери «черкасом и пушкарям помочные земли дано»¹⁵⁷.

Если на челобитную лебединцев не последовало ответа из Москвы, это не значит, что она не привлекла к себе внимания. Наличие в сохранившихся архивных делах целого ряда списков этого документа говорит об обратном. К тому же выступление лебединцев было не единственным. На переданную полковнику территорию претендовали и дети боярские из Каменного. Князь И. Н. Белосельский весной 1681 г. сообщал, что каменовцы подали ему «скаску», в которой жаловались, что соответствующая земля была передана Михаилу Васильеву по присылке из Белгорода «до твоей, великого государя, грамоты и до моего межевания»¹⁵⁸.

23 февраля царь «указал» по поводу пожалований гадяцкому полковнику выяснить у него, «нет ли с кем какова спору и челобитья»¹⁵⁹. 2 марта был отправлен «указ» князю П. И. Хованскому о присылке описания владений полковника¹⁶⁰. После выдачи грамоты 5 марта обсуждение вопроса не прекратилось. Последовало указание прислать в Москву списки «лебединских со всех строельных книг и дач», а владениям Михаила Васильева «чертеж начертить». Затем в апреле в Лебедин был отправлен ротмистр Кондратий Богданов «для досмотра и описи лебединских земель» и владений полковника¹⁶¹. Документов о поездке К. Богданова не сохранилось¹⁶², но все эти данные говорят о том, что утверждения лебединцев об ущербе, который нанесли им пожалования полковнику, привлекли внимание.

В делах Малороссийского приказа сохранился перечень вопросов, касавшихся положения соседей полковника (не только лебединцев) и положения самих этих владений¹⁶³. В одном из них затрагивалась, как в приведенном выше запросе, тема возмещения лебединцам за ущерб, нанесенный им царскими пожалованиями полковнику, — «кому именно и по сколько чети отмежевано будет». Интересовало

157 Там же. Д. 161. Л. 354.

158 Там же. Д. 163. Л. 14.

159 Там же. Л. 35–36.

160 Там же. Д. 161. Л. 85.

161 Там же. Л. 89–90; Там же. Д. 163. Л. 69.

162 «Осмотр» был им подан в июне. См.: Там же. Д. 163. Л. 1.

163 Там же. Л. 37–42. Не было ли связано составление перечня с поездкой ротмистра К. Богданова?

и то, что принадлежит лебединцам «в опчем боровом лесу», которым они должны были пользоваться совместно с Михаилом Васильевым: «заимки, кто имьянно позаимали». Составителей вопросов интересовало и то, не попала ли под власть полковника «дорога из Лебедина в Межиречь». Обеспокоило составителей вопросов и известие о том, что на этой территории полковник купил «дровяной» лес. В этой связи полагалось выяснить, «за лебединскими жители какое займище их и дровяной лес по реке Пслу». Следовало выяснить, где этот лес находится, но этим дело не ограничилось. Необходимо было узнать, есть ли у полковника в Лебедине двор и не приобретает ли он к нему иные «дворовые места и мельницы, и пашенные земли». В этой связи предписывалось выяснить в Белгородском разряде, «малороссийских городов жителем» дворов и земли «продавать и покупать велено ль». Из разряда отвечали, что царского указа с таким разрешением нет, и если Михаил Васильев приобрел к своему двору в Лебедине какое-либо имущество, то таких примеров «в разряде не сыскано» и «наперед сего не бывало»¹⁶⁴. Так фактически стало намечаться общее противодействие русских властей и местных черкас в борьбе с попытками старшины из гетманства приобрести позиции на Слобожанщине. Правда, земли, переданные гадяцкому полковнику, судя по всему, остались все же за ним, но, по-видимому, был установлен контроль за его действиями, а указанные территории не стали, несмотря на ходатайство за племянника гетмана Самойловича, его вотчиной.

Некоторые результаты размышлений нашли отражение в инструкциях князю М. Ф. Жировому-Засекину, поехавшему через Белгород и Путивль в Лебедин вместе с посланцами лебединских черкас¹⁶⁵. В его наказе, как уже отмечалось, предписывалось, «чтоб против того челобитья (челобитья черкас. – *Б. Ф.*) про все статьи было розыскано подлинно»¹⁶⁶. Это касалось и челобитья относительно Михаила Васильева. Посланцу следовало иметь в виду, что царь гадяцкому полковнику у черкас «земли их и сенных покосов отнимать у них не велел»¹⁶⁷.

Полковник был обеспокоен челобитьем лебединских черкас, приславших в Москву «ябедщиков и составщиков». Он уверял,

164 Там же. Л. 220.

165 Об их отъезде вместе с М. Ф. Жировым-Засекиным см.: Там же. Л. 44–44 об.

166 Там же. Л. 48.

167 Там же. Л. 48.

что лебединцам Софрон «руки велел прикладывать неволею». Такие его действия показывают, что полковник серьезно опасался последствий от выступления лебединских черкас. Из его челобитья выясняется, что лебединские черкасы подали на него еще одну челобитную, обвиняя его в вымогательстве взятки с лебединцев – «всякого набитку на тысячу рублей»¹⁶⁸. Все эти дела, о чем уже говорилось выше, должен был рассмотреть князь М. Ф. Жировой-Засекин, получивший для этого особые полномочия. К сожалению, и в этом случае неизвестно, как царский посланец выполнил свое важное поручение.

Рассмотренные материалы позволяют сделать ряд наблюдений о характере отношений между разными политическими силами и кругами населения на пограничных землях Слобожанщины и гетманства. Колония «черкас» в Лебедине выступает и здесь как консолидированная общность со своими особыми порядками, способная на серьезные самостоятельные действия, в том числе обращения к центральной власти. Характерно, что в их сообщениях и известиях об их деятельности, в том числе в связи с конфликтом с гадяцким полковником, не упоминаются воеводы Лебедина. Они, конечно, там существовали, но по власти и влиянию, видимо, не могли сравниться с сотниками, стоявшими во главе этой общности и способными влиять на ее действия. Это, по-видимому, было возможно для администраторов более высокого ранга – сумских полковников, выступавших против Михаила Васильева вместе с черкасами. Все рассмотренные факты также говорят о достаточно терпимом отношении к особенностям организации и поведения этих переселенцев на территорию Русского государства, готовности в определенной мере учивать их интересы и пожелания, что содействовало укреплению их пророссийской ориентации.

Обращаясь к украинской стороне, следует отметить настойчивые попытки гетмана И. Самойловича и его племянника, гадяцкого полковника, приобрести владения на землях Слобожанщины, пограничных с гетманством. Вероятно, неслучайно весной 1681 г., когда Михаил Васильев вместе с И. Мазепой были посланниками гетмана в Москве, он одновременно поднимал вопрос и о закреплении за ним полученных владений на вотчинном праве и о включении заселенных украинскими переселенцами земель Слобожанщины в состав гетманства. Очевидна, при отрицательном отношении к общему проекту,

168 Там же. Д. 156. Л. 83–84.

готовность, проявленная неоднократно и центральной властью, и властями Белгородского разряда, пойти навстречу конкретным пожеланиям гетмана и гадяцкого полковника.

Это, как представляется, следует рассматривать как определенные знаки внимания по отношению к ведущим представителям политической элиты гетманства, важного партнера Москвы в тяжелой войне с османами и противостоянии с Речью Посполитой.

Вместе с тем важно отметить, что гадяцкий полковник, которого гетман постоянно поддерживал, приобретая земли на Слобожанщине, не проявил никаких стремлений считаться с правами, особым статусом тех общностей «черкас», которые соседствовали с его владениями, старался лишить их земель и угодий, силой подавлял их сопротивление. Такие действия закономерно вызвали вооруженный отпор. Эти факты достаточно ярко показывают, что казацкая верхушка гетманства в своих притязаниях на земли Слобожанщины не старалась опираться на проживающее здесь украинское население и считаться с его интересами. Сам стиль поведения гадяцкого полковника на землях, где он не обладал военно-административной властью, заставляет задуматься о том, каков был стиль поведения полковника там, где он такой властью обладал.

Судя по всему, отрицательную реакцию вызвали действия полковника не только у черкас, но и у военачальников не самого высокого ранга, как сумские полковники. Не посвященные в секреты высокой политики, они видели, как отрицательно влияют действия полковника на боеспособность их подчиненных.

Полковник Михаил Васильев был не единственным представителем казацкой старшины, старавшимся приобрести земли на Слобожанщине. В ноябре 1684 г. воевода Белгородского разряда Алексей Семенович Шеин сообщал в Москву, что гетман просил оформить передачу Г. Гамалее земель и сенных покосов в Недрыгайловском уезде «по записям, как ему дали и на всякие угодыя» местные дети боярские¹⁶⁹. Очевидно, что и в этом случае старшина стремилась укрепиться на Слобожанщине, и такие действия Гамалеи гетман поддерживал, несомненно рассчитывая, что в дальнейшем эти земли войдут в состав гетманства.

Сохранился фрагмент документа, отражающий реакцию местных казаков и мещан на происшедшее. Они сообщали в челобитной, посланной в Москву, что местные дети боярские «неведомо по какому

169 Там же. Д. 163. Л. 65.

указу» заняли «порозжую землю» в верховьях р. Сулы, а затем «без указу великих государей» передали ее Гамалею. Очевидна отрицательная реакция на происшедшее, и содержание челобитной позволяет понять ее причины. Составители челобитной отмечали, что казаков и мещан в уезде стало много, «и им ныне земли и сенных покосов, и лесу... мало», а теперь новый владелец, Г. Гамалея, «им обиды чинит и бьет смертным боем, и лесом, и всякими угоды владеть не дает»¹⁷⁰. Очевидно, Г. Гамалея действовал по отношению к соседям на русской территории как гадяцкий полковник. Сопоставление свидетельств о действиях Михаила Васильева и Г. Гамалеи позволяет сделать вывод, что, стремясь укрепиться на Слобожанщине, казацкие старшины не стремились искать поддержки местного украинского населения и учитывать его интересы.

Источники и литература

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

Багалея Д. И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М.: Университетская типография, 1887. XVI + 614 с.

Звездин З. К. К вопросу о социальных отношениях на Слободской Украине в конце XVII – начале XVIII в. // Исторические записки. № 39. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 181–203.

Костомаров Н. И. Собрание сочинений. Исторические монографии и исследования. Кн. 6. Т. XV: Руина. Гетманства Бруховецкого, Многогрешного и Самойловича; Т. XVI: Мазепа и мазепинцы. СПб.: Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым («Литературный Фонд»), 1905. XV + 815 с.

Слюсарский А. Г. Социально-экономическое развитие Слобожанщины XVII–XVIII вв. Харьков: Харьковское кн. изд-во, 1964. 460 с.

References

Sliusarskii, A. G. *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Slobozhanshchiny XVII–XVIII vv.* Khar'kov: Khar'kovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1964, 460 p.

Zvezdin, Z. K. "K voprosu o sotsial'nykh otnosheniiakh na Slobodskoi Ukraine v kontse XVII – nachale XVIII v." *Istoricheskie zapiski*, vol. 39. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1952, pp. 181–203.

¹⁷⁰ Там же. Л. 68.

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.01

B. N. Florya

**The Lebedin Cherkasy in Slobozhanshchina:
Their Relationship with Neighbors and the Authorities**

Boris N. Florya

Doctor of History, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, head of department

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: sredveka_inslav@land.ru

ORCID: 0000-0003-0779-2488

Citation

Florya B. N. The Lebedin Cherkasy in Slobozhanshchina: Their Relationship with Neighbors and the Authorities // *Slavic Almanac*. 2026. No 1–2. P. 12–48 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.01

Received: 17.03.2025.

Revised: 19.06.2025.

Accepted: 17.03.2026.

Abstract

A colony of Ukrainian migrants (Cherkasy), including the town of Lebedin, was founded on the southern borderlands of the Russian state in the 1660s. Lebedin was one of many settlements in the region known as Slobozhanshchina — the southern lands of Russia colonized by Ukrainian migrants from the Cossack Hetmanate. These settlers established a semi-autonomous administration consisting of regiments and hundreds (*sotni*). Archival documents, previously almost unknown, provide extensive details on the relationships between the Lebedin Cherkasy community, local and central authorities, and neighboring landowners during the 1670s and early 1680s. The neighbors of the Cherkasy included Russian landlords from the Putivl district (*uezd*) and Mikhail Vasilyev, the colonel of Gadiach and nephew of the Ukrainian Hetman Ivan Samojlovich. Due to the Hetman's patronage, the Russian government granted Mikhail Vasilyev unsettled lands near Lebedin. While developing these lands, Vasilyev did not seek the support of the local Cherkasy community and ignored their interests. Consequently, relations between the Lebedin Cherkasy, the Russian landlords, and Vasilyev were hostile due to disputes over territories that each side claimed as its own. The Lebedin Cherkasy community took a proactive stance,

receiving support from the authorities of the Belgorod Military District (*razriad*) and Prince Grigory Romodanovsky, who headed it. The Russian government made significant efforts to resolve this conflict, which persisted for many years.

Keywords

Ivan Samojlovich, Russo-Ukrainian relations, the Left-Bank Cossack Hetmanate, Slobozhanshchina, land colonization, Cherkasy of Lebedin, Mikhail Vasilyev.